

Истории аптекарей Пациорковских

Виталий
Ковалинский

Киевский аптекарь дворянин Леонтий Юрьевич Пациорковский служил несколько лет гезелем (аптекарским помощником) у Ивана Тещера в его аптеке на Притиско-Никольской улице, принадлежавшей до 1814 г. семье Бунге

Аптека. 1548 г.

Отрывки из книги Виталия Ковалинского «Киев аптечный» («Киевские миниатюры. Книга VI»)

Набравшись практического опыта, Пациорковский решил открыть собственное заведение, но для этого требовалось свидетельство на право заниматься аптечным делом. Он поехал в Харьковский университет, сдал в октябре 1826 г. экзамен – и получил диплом. На пергаменте с сургучной печатью было написано: «Благородный муж аптекарский гезель Леонтий Пациорковский, показав знание свое в аптекарской науке, получил привилегию на аптекарского провизора 1-го класса».

После этого он правдами и неправдами, несмотря на возражения киевского войта Григория Киселевского и других именитых граждан, добился в 1828 г. разрешения на открытие там же, на Подоле, своей собственной аптеки. Она разместилась, как указывалось в документе, «в доме Коробкина напротив Контрактовой площади». Но так случилось, что Пациорковскому и с аптекой пришлось

распрощаться, и в личной жизни у него не сложилось. Возможно, именно это последнее обстоятельство и повлияло весной 1832-го на его решение продать аптеку Елизавете Тещер, вдове Ивана Богдановича.

В 1827 г. Пациорковский женился, но уже вскоре стал «терпеть скорбь душевную» из-за непорядочного, по его словам, поведения своей избранницы. До него дошли слухи, что супруга имела незаконные связи с «некоторыми людьми нижнего класса, потом с юнкером князем Вяземским, от которого получила письмо, чтобы мужа бросить и ехать с ним, и, наконец, с провизором, принятым им лишь два с половиной месяца назад, австрийским подданным Леонтием Гелятковским». Он прибыл в Киев из Житомира, и положил ему Пациорковский плату 50 червонцев на год и дал 313 рублей вперед «на экипировку». Обо всем этом аптекарь рассказал киевскому полицмейстеру майору

Казину и просил принять надлежащие меры.

Последней каплей стал вечер 1 апреля 1831 г., когда Пациорковский увидел со двора в окно, что жена целуется с провизором в его комнате. Разбив стекло камнем, он разоблачил полюбовников. Но потом Гелятковский уверял, что она поцеловала его только в лоб, когда он «подошел к руке».

Недостойное поведение аптекарши подтверждал отставной подканцелярист Василий Брянский, выполнявший у Пациорковского малярные работы. Вызванный в полицейскую часть, он свидетельствовал, что неоднократно замечал хозяйку в позднее время в комнате у провизора. А когда муж по своим делам выезжал из дома, она всегда была у него и, ожидая возвращения, часто высматривала в окно, но «кроме взаимных ласк, приличных только в супружестве, других недозволенностей не заметил». Обо всем

этом Брянский, когда его пригласил Пациорковский, сказал, смотря прямо в глаза Гелятковскому, за что получил от него сильную пощечину.

Оператор Киевской губернской врачебной управы Раевский, прибыв в аптеку по вызову Леонтия Юрьевича, «нашел провизора жестоко пьяным, делавшим ему грубости, называвшим его другом своим и приятелем, за что и был отправлен им в полицейскую часть». А что касается несогласной супружеской жизни и поступков со стороны жены, докладывал полицмейстер Казин киевскому военному губернатору Б. Я. Княжнину, то Раевский об этом тоже раньше слышал.

После всех этих дознаний Пациорковский, «любя свою жену», просил полицмейстера, чтобы было постановлено: «1-е, чтобы провизор Гелятковский никогда в аптеку к нему не ходил, о чем обязать его подпиской, и 2-е, жена его отправилась бы в Москву к родным впредь до исправления, пока признает нужным к вторичному соединению, и это отдает ей на собственный произвол».

Гелятковский не остался перед Пациорковским в долгу и сообщил полиции, будто бы аптекарь, отпуская лекарства по рецептам, берет лишние, по сравнению с аптекарской таксой, деньги. А еще лечит людей сам по себе, давая

Претворение воды в вино. 1636 г.

цидулки, им самим написанные, и много таких сохраняется у провизора для подтверждения, что он может доказать.

Рассмотрев все обстоятельства, изложенные в докладе полицмейстера, генерал-лейтенант Княжнин предписал разъяснить Пациорковскому, чтобы он не занимался самостоятельными расследованиями и действовал по за-

кону, а его жене пояснить, чтобы она не нарушала моральных норм, иначе дознание будет по закону. Одновременно военный губернатор поручил врачебной управе тщательно разобраться с заявлением Гелятковского о ценах на лекарства, которые устанавливает аптекарь.

Еще раньше, в июле 1829 года, жалобу на Пациорковского подал гражданскому губернатору В. С. Катериничу чиновник 5-го класса, археолог-любитель Кондратий Лохвицкий. Он обвинил аптекаря в том, что ему продали в аптеке лекарства против лишая на руках, которые сделали ему вред. Губернская врачебная управа проверила, какими медикаментами лечили Лохвицкого. Однако нарушений не было выявлено, и в январе следующего года управа доложила об этом губернатору, но забыла оповестить заявителя.

А Кондратий Андреевич был не из тех, кто в своих жалобах останавливается на полдороге, и 18 марта 1830 г. он обратился с прошением выше – к военному губернатору Княжнину: «Не осмеливался бы утруждать этой просьбой, если бы не обязанность была причинной чтить счастливый жребий вла-

Лаборатория алхимика. XV ст.

сти, свыше возложенный на Вас, править правосудием киевских судов. Воззрите на судопроизводство уголовного Киевской врачебной управы по жалобе моей от 22 июля прошлого года об отпуске ядовитых лекарств, – под предлогом безвредных, по праву ручной продажи, из аптеки провизора Пациорковского, не только мне, но и другим, а именно помещику Афендику, вред причинивших. Эта управа до сего времени не объявляет мне своего решения, по приказу гражданского губернатора, как о том он мне объявил. Удостоите приказать кому следует не лишать меня законного права видеть решение врачебной управы и иметь оное с печатью на законном основании, а в разрешении почтить меня резолюцией». К сожалению, в архивах не нашлось документов о том, чем завершилась эта история с «ядовитыми» лекарствами.

Впрочем, Леонтий Юрьевич был не единственным из аптекарей Пациорковских, к кому предъявлялись претензии. И не только по поводу медикаментов. Длительное время в местечке Макарове Киевской губернии держал аптеку местный старожил – дворянин Иосиф Альбертович Пациорковский. Он был человеком за-

житочным, известным, пользовался уважением как аптекарь, а главное – водил тесную дружбу с тамошним исправником, который во всем его поддерживал. Но ко времени происшествия, случившегося 22 июля 1870 г., исправник уже умер, и теперь не было кому Иосифа Альбертовича протектировать.

В тот день настоятель Макаровского костела ксендз Валерий Романовский, закончив литургию, вышел на двор и, проходя через усадьбу Пациорковского, граничившую с оградой костела, увидел столяра Ефима Бердникова, который трудился в том дворе над колодцем. Романовский остановился около него и спросил, когда он завершит работы у аптекаря. Получив ответ, что не скорее, чем через месяц, предложил столяру поработать потом у него.

Именно в тот момент Пациорковский выехал на одноколке из ворот другого своего дома, в котором размещалась аптека, и начал приближаться к двору, где ксендз стоял с Бердниковым. Пока он подъезжал, настоятель костела отошел шагов на 15, а аптекарь, приблизившись к столяру, спросил, о чем был разговор, и услышав в ответ «ни о чем», сошел с возка, подошел к Романовскому и ударил его раза два или три кнутом, который держал в руках, поскольку был без кучера.

По заявлению потерпевшего помощник исправника допросил столяра, но тот заявил, что ничего не слышал и не видел. Однако потом открылись другие обстоятельства. Оказалось, что на храмовый праздник в православной церкви 20 июля Валерий Романовский, отслужив литургию в своем костеле, зашел в церковь. Там по окончании богослужения, когда благочинный Василий Викториевский вышел с крестом, ксендз вместе с другими прихожанами подошел к нему, поцеловал крест и руку священника. Тот, в свою очередь, поцеловал ксендза, дал ему просфору, а потом пригласил к себе на закуску, после чего Романовский посетил квартиру священника Викториевского. Об этом тогда же узнал Пациорковский, а через день «произошел случай учинения побоев».

Как доложил генерал-губернатору А. М. Дондукову-Корсакову киевский губернатор Н. П. Гессе, несколько заслуживающих доверия лиц видели причину оскорбления и избиения в том, что Романовский посетил православную церковь. А тот добавлял, что Пациорковский возмущался еще раньше из-за того, что он не согласился выполнить просьбу аптекаря не править в костеле молебствия о государе императоре и царствующем доме. Исправник также сообщил губернатору, что аптекарь распространял слухи, будто бы православное духовенство посягало на жизнь императора.

Настоятель костела, в свою очередь, информировал генерал-губернатора, что Пациорковский свыше десяти лет не исполняет религиозных обрядов и, будучи холостым, содержит у себя чужую жену. Кроме того, помещик Антон Боярский обвинял аптекаря в том, что он отпускал из своей аптеки неправильные лекарства, вследствие чего умерла его пятилетняя дочь.

Тем временем аптекарь в свою защиту утверждал, что выдал именно те медикаменты, которые были указаны в рецепте врача, а 20 июля не он, старый и слабосильный, поднял на настоятеля костела кнут, а Романовский, молодой и сильный, замахнулся на него палкой.

В итоге 2 ноября 1870 г. Киевский уездный суд постановил за нанесенные ксендзу Романовскому оскорбления подтвердить Пациорковского аресту и тюремному заключению сроком на один месяц. Кроме того, еще продолжалось расследование по делу отпуску аптекарем лекарств, причинивших смерть девочки.

Докладывая обо всем этом Дондукову-Корсакову, губернатор Гессе 16 апреля 1871 г. сообщил также, что уездный исправник признал Пациорковского подлежащим высылке из Юго-Западного края как неблагонадежной в политическом отношении особы. Однако все завершилось определением Киевской палаты уголовного и гражданского суда присудить аптекаря за оскорбление настоятеля Макаровского костела к штрафу в размере 40 рублей. ■